

О ПОЛОЖЕНИИ ВОЕННОПЛЕННЫХ В ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ

Несмотря на огромное количество литературы, посвященной русско-японской войне 1904 – 1905 гг. остается масса неисследованных эпизодов, с этой войной связанных. Некоторые из них имеют «региональный» аспект. Так, например, в архивах г. Перми хранятся материалы, посвященные содержанию военнопленных, высланных с театра военных действий на Дальнем Востоке. Анализ этих данных, а также местной печати позволяет взглянуть на российское провинциальное общество того времени, на его отношение к Японии и другим странам дальневосточного региона с точки зрения политкорректности, охарактеризовать облик заключенных в социокультурном пространстве региона через их повседневный быт (род занятий, отношение с местным населением, уровень жизни и пр.).

Военнопленные японцы, китайцы и корейцы появились в русском плену с первых же дней войны. Причем статус «пленных» получали часто не только военные, но и представители мирного населения, оказавшиеся на территории подконтрольной Российской империи. Как писал в 1905 г. петербургский журнал «Нива»: «когда вспыхнула на Дальнем Востоке война, всем проживающим в районах боевых действий, корейцам и японцам было предложено немедленно выехать в свое отечество. Но некоторые из них не пожелали или не смогли вернуться туда, и тогда их отправили внутрь России»¹⁰⁰². Местом дислокации пленников было избрано три губернии – Вологодская, Архангельская и Пермская¹⁰⁰³.

Как видно из посланий самих пленников, первые аресты начались в апреле в Харбине и других подконтрольных русским населенных пунктах¹⁰⁰⁴. Затем их отправляли в Томск, а оттуда – в места заключения. Причем под арест попадали не только японцы, но и корейцы и китайцы, так как война велась на территории современных Кореи и Китая. Как оказалось позже, большинство из захваченных были обычными мирными гражданами, а среди японцев вообще более половины составляли женщины. Возможно, прибегая к массовым арестам, правительство надеялось пресечь случаи шпионажа¹⁰⁰⁵.

12 июня 1904 г. пермский губернатор Наумов получил с грифом «секретно» телеграмму министра внутренних дел Плеве, который сообщал о прибытии пленных в губернию и, что нужно «направлять их преимущественно в города, расположенные на железной дороге и водных путях»¹⁰⁰⁶. 17 июня из Томска прибыла первая партия пленных. В дальнейшем, в течение двух месяцев, постоянно прибывали новые группы заключенных¹⁰⁰⁷. Интересен тот факт, что даже на уровне официального делопроизводства всех прибывших называли «желтолицыми» или «желтой расой». При этом у русских в провинции не было представления о разделении «желтолицых» на корейцев, китайцев и японцев. Часто их просто не различали. Так, например, уже по прибытии первой партии военнопленных японцев, оказалось, что высланные с ними паспорта им не принадлежат. Позднее, когда информация об этом была отправлена в Томск, новые паспорта, пришедшие оттуда, опять оказались не принадлежащими

¹⁰⁰² Корейцы в русской школе/ «Нива», № 10, 1905 г. С. 191.

¹⁰⁰³ ГАПО. Ф. 65. Оп. 5. Д. 11. Л. 160

¹⁰⁰⁴ Апрель 1904 г. – самое раннее время ареста, указанное в письме корейца Комисири. См.: ГАПО.Ф.65. Оп. 5. Д. 10. Л. 24

¹⁰⁰⁵ Шпионская деятельность была одним из козырей японского командования, а ее недооценка в довоенный период – один из главных просчетов русских. См.: Уткин А. И. Русско-японская война. В начале всех бед. – М.: Алгоритм, 2005. с. 311. Попов И. М. Россия и Китай: 300 лет на грани войны. – М.: Астрель, 2004. СС. 369-384.

¹⁰⁰⁶ ГАПО.Ф. 65. Оп. 5. Д. 11а. Л. 160.

¹⁰⁰⁷ ГАПО.Ф. 65. Оп. 5. Д. 10. Л. 29.

высланным в Пермь японцам¹⁰⁰⁸. 12 мая 1905 г. из Омска в Пермь была отправлена партия в которую входили «6 корейцев и один китаец». По прибытии оказалось, что на самом деле это были 6 китайцев и один кореец (65-3-57-58). Такое отношение доказывает отсутствие понимания у провинциальных чиновников в различиях народов, проживавших на Дальнем Востоке.

Первых пленных расселили в Перми (китайцы, японцы, корейцы), Кунгуре (японцы), Осе (японцы), Екатеринбурге (китайцы), Камышловe (корейцы), Оханске (корейцы, китайцы), Соликамске (китайцы), Нытве (корейцы)¹⁰⁰⁹. В этих городах они прожили до конца войны.

До сентября ситуация с пленными, как и с делами на фронте, была довольно сумбурной и хаотичной. Однако когда стало очевидно, что война затянется, пермский губернатор получил 9 августа с припиской «Срочно. Секретно» Высочайший указ Его императорского величества. По нему начальником губернии должна была «быть представляема ежемесячно ведомость с точными сведениями о числе и месте водворенных в Империи военнопленных японцев и удаленных из местностей Дальнего Востока желтолицых (японцев, китайцев, корейцев)». Во исполнение этого указа Департамент Полиции МВД потребовал от губернатора доставлять «по телеграфу к первому числу каждого месяца точные сведения о прибывших во вверенную вам губернию удаленных с Дальнего Востока желтолицых с указанием мест водворения в губернии с подразделением на японцев, китайцев и корейцев»¹⁰¹⁰.

Согласно существующему законодательству, прибывшие с театра войны получили статус военнопленных, который подразумевал казенное содержание. На ходатайство пермского губернатора 25 августа 1905 г. Департамент полиции МВД ответил: «... на содержание высланных с театра войны и водворенных во вверенной Вам губернии японцев и китайцев 3010 р., 96 к., в том числе 297 р. 36 к. на довольствие 443 лиц низших состояний 27 р. 60 к., других лиц привилегированного сословия, по расчету на три месяца, начиная с первого минувшего июля и 9 рублей квартирных, считая по пять копеек в сутки: лицам только высшего сословия, так как лицам низших состояний 513,514 ст. 2 ч., т. 16 пособия определены в размере одной арестантской дачи, без квартирных»¹⁰¹¹. В разные периоды заключенным полагалось содержание от 7 до 9 копеек в сутки¹⁰¹².

К началу сентября в Пермской губернии уже находилось около 300 японцев и полутора сотен китайцев и корейцев. Наиболее активно на первых порах проявили себя японские подданные. Они ходатайствовали о своем отправлении. Японское правительство выделило необходимые средства, и японцы были отправлены на родину¹⁰¹³.

С отбытием практически всех японцев количество пленных в Перми резко снизилось, изменился их национальный состав, теперь большинство «желтолицых» составляли корейцы и китайцы¹⁰¹⁴.

Данные об их численности ежемесячно уточнялись, но общая цифра держалась в пределах пятисот¹⁰¹⁵, из которых примерно две трети проживали в Перми. Возможно, эта цифра не покажется впечатляющей, но для Перми того периода, с населением 70000 чел.,¹⁰¹⁶ это было существенно, с учетом того, что пленные проживали компактно и

¹⁰⁰⁸ ГАПО.Ф. 65. Оп. 5. Д. 10. Л. 32.

¹⁰⁰⁹ ГАПО.Ф. 65. Оп. 5. Д. 10. Л. 158.

¹⁰¹⁰ ГАПО.Ф. 65. Оп. 5. Д. 10. Л. 55.

¹⁰¹¹ Позднее по мере надобности МВД отправлял новые средства на содержание. См.: Ф. 65. Оп. 5. Д. 10. Л. 99.

¹⁰¹² ГАПО.Ф. 65. Оп. 5. Д. 10а. Л. 305.

¹⁰¹³ ГАПО.Ф. 65. Оп. 5. Д. 10а. Л. 288.

¹⁰¹⁴ ГАПО.Ф. 65. Оп. 5. Д. 11. Л. 49.

¹⁰¹⁵ Имеющиеся данные: сентябрь 1904 – 769 (ГАПО.Ф. 65. Оп. 5. Д. 10. Л. 158); ноябрь 1904 – 353, декабрь 1904 – 362, январь 1905 – 386 (Ф. 65. Оп. 5. Д. 11а. Л. 390); май 1905 – 496 (Ф. 65. Оп. 3. Д. 569. Л. 24); июнь 1905 – 535; июль 1905 – 436 (Ф. 65. Оп. 3. Д. 570. Л. 54-55).

¹⁰¹⁶ Корчагин П. А. Губернская столица Пермь. 2004. С. 217.

вызывали постоянный интерес местного населения в связи с идущей войной. Эти факторы позволяли им быть заметными в социокультурном пространстве региона.

Находясь в течении лета в крупных городах во время войны, пленные легко могли найти себе заработки на полевых работах, однако с приближением зимы стало очевидно, что предлагаемое содержание (для большинства 9 коп. в сутки без квартиры) не может быть удовлетворительным. Об этой проблеме в своем отчете впервые упомянул оханский уездный исправник 30 августа 1904 г.: «При этом почтеннейшее докладываю, заработки желтолицых крайне неопределенны и разнообразны и обслуживаются они требованием на каждый день, согласно чему отпускаются им на каждый день по особому списку денежные арестантская дача. Предполагаю, что прекращение полевых работ в скором времени вызовет необходимость выдавать кормовые всем желтолицым, равно озаботиться обеспечением их квартирой и теплой одеждой ввиду приближения зимнего времени»¹⁰¹⁷. Получая огромное количество ходатайств от пленных пермский губернатор проявил о них определенную заботу. Во-первых, специальным его распоряжением был отдан приказ всем уездным исправникам в течение 25 – 26 октября раздать корейцам и китайцам шапки, полушубки, валенные сапоги, женщинам – женские шубы, на что из правительственного кредита были выделены необходимые средства¹⁰¹⁸.

Поскольку принимаемых мер было недостаточно, 15 ноября император издал указ об израсходовании дополнительных средств на содержание военнопленных. В нем говорилось, что «Государь император... соизволил производить удаленных с лицами желтой расы низших состояний, не имеющих собственных средств к существованию и лишенных возможности получить в местах их водворения заработки, пособия, сверх арестантской суточной дачи 1р. 50 к. в месяц на наем квартир»¹⁰¹⁹.

Зимой положение пленных ухудшилось. Из огромного количества ходатайств, поступавших в канцелярию пермского губернатора, видно, что выделяемых средств все равно недостаточно. В поисках работы пленные китайцы и корейцы согласны были отправиться на заводы в качестве чернорабочих. Однако с января 1905 г., ввиду начавшейся революции, допускаемое ранее передвижение китайцев по губернии было строжайше запрещено. В этой связи просьбы об устройстве на работу вдали от мест вселения не удовлетворялись. Исключения для передвижений делались только в отдельных случаях. Для того чтоб отбыть в другой город «желтолицые» должны были отправить персональное прошение на имя губернатора, а он уже решал отпускать их или нет. В случае разрешения пленные должны были отмечаться в месте отбытия и месте прибытия, а местные власти – отправлять отчет об этом.

Так к разрешению группе китайских акробатов Ван Ли Фрай, Фу Шун Тай, Ван-шаз и Ян-Куи отправиться Нижний Тагил с цирковыми представлениями губернатор приписал: «Приписываю о выбытии названных лиц в означенный завод сообщить в канцелярию и уведомить местного уездного начальника для установления над ними надзора с тем чтобы им не дозволялся переезд из Нижнего Тагила в Екатеринбург или другое место без особого на то разрешения. Самим же отъезжающим выше поименованным китайцам внушить, что по прибытию в нижнетагильский завод они прежде всего должны явиться к местному полицейскому чиновнику»¹⁰²⁰. На что екатеринбургский полицмейстер ответил: «для установления за ними надзора полиции мною сообщено местному уездному исправнику сего числа»¹⁰²¹.

В большинстве же случаев ответ давался один и тот же ответ: «объявить, что ходатайство их мною оставлено без удовлетворения»¹⁰²². Характерно, что большинство

¹⁰¹⁷ ГАПО.Ф. 65. Оп. 5. Д. 10. Л. 168.

¹⁰¹⁸ ГАПО.Ф. 65. Оп. 5. Д. 11. Л. 154.

¹⁰¹⁹ Там же Л. 239.

¹⁰²⁰ ГАПО.Ф. 65. Оп. 3. Д. 569. Л.30-31.

¹⁰²¹ Там же. Л. 33.

¹⁰²² См. например: ГАПО.Ф. 65. Оп. 3. Д. 569. Л. 176.

ходатайств и отказов на них было подано в мае-июне, когда в России Перми бушевала революция.¹⁰²³

Доходило даже до того, что исправники давали отрицательный ответ не дожидаясь ответа губернатора.¹⁰²⁴

Особый интерес для исследования представляет и быт заключенных в Перми. Из ходатайств известно минимум о трех группах китайских циркачей, которые зарабатывали выездными цирковыми представлениями цирк.¹⁰²⁵ Об одной из таких групп даже писали Пермские губернские ведомости 6 апреля 1905 г.¹⁰²⁶ Тот факт, что циркачи были едва ли не единственными, кому разрешалось передвижение по губернии, указывает на их популярность и интерес, который местное население к этим представлениям проявляло.

Помимо цирковых представлений «желтолицы» занимались продажей самодельных папирос¹⁰²⁷ и изготовлением изделий из бумаги, которые продавались по городам и заводам Пермской губернии. Некоторые дельцы даже зарабатывали на том, что перепродавали эти изделия «с барышом», как писали Пермские губернские ведомости.¹⁰²⁸ И все-таки самым заметным эпизодом пребывания «желтолицы» в Перми стало обращение некоторых корейцев в православную веру (характерно, что провинциальная печать всех пленных называла корейцами, не выделяя китайцев и японцев, так как именно корейцев было большинство).

Как видно из данных прессы, сразу по прибытии корейцы изъявили желание обучаться русскому языку. Эта инициатива нашла поддержку со стороны властей и корейцев отдали в Кирилло-Мефодиевскую мужскую гимназию. Там занятия русским языком были сопряжены с религиозной пропагандой. В результате в январе 1905 г. первая группа из 8 корейцев изъявила желание принять православие. Об этом писала местная газета, и даже петербургский журнал «Нива».¹⁰²⁹ Разрешения на принятие корейцами православия пермский губернатор лично испрашивал у архиепископа пермского и соликамского Никонора. Ответ был получен утвердительный.¹⁰³⁰ Позже крещение продолжилось, всего было крещено 20 чел. корейцев и 1 японка. Обратить же в православие китайцев властям не удалось, во всяком случае упоминаний об этом нет.

Отношение местного населения к «желтолицы» не было однозначным. Весной, когда открылась навигация, многие корейцы пошли работать грузчиками в порт. Как отмечали Пермские губернские ведомости: «Работа это тяжелая и требует, как известно, большой физической силы. Сверх ожидания, корейцы, оказывается, могут удачно конкурировать и с русскими и татарами в этой тяжелой работе. Сколько можно заметить, несочувствия или враждебного отношения к корейцам в этом деле со стороны русских или татар нет».¹⁰³¹

Но были и случаи конфликтов. В канцелярию губернатора не раз поступали жалобы китайцев и корейцев на местных жителей. 5 мая 1905 г. китайцы Юлан-Су и Лю-мин-цзы обратились в канцелярию губернатора с заявлением о том, что их соседи и местные жители «оскорбляют их и угрожают». В просьбе переселиться на новое место им было отказано.¹⁰³²

¹⁰²³ Корчагин П. А. Указ. Соч. С. 219-220.

¹⁰²⁴ ГАПО.Ф. 65. Оп. 3. Д. 570. Л. 27.

¹⁰²⁵ ГАПО.Ф. 65. Оп. 5. Д. 10. Л. 161. Ф. 65. Оп. 3. Д. 570. Л. 20. Ф. 65. Оп. 3. Д. 569. Л. 30-31.

¹⁰²⁶ Китайские фокусники/ Пермские губернские ведомости, № 76, 1905. С. 2.

¹⁰²⁷ ГАПО.Ф. 65. Оп. 5. Д. 11а. Л. 250.

¹⁰²⁸ Торговля корейскими изделиями/ Пермские губернские ведомости, № 139, 1905. С. 2.

¹⁰²⁹ Корейцы в русской школе/ «Нива», № 10, 1905 г. с. 191-192. Крещение корейцев/ Пермские губернские ведомости, № 19, 1905. С. 2.

¹⁰³⁰ ГАПО.Ф. 65. Оп. 5. Д. 11. Л. 146, 160.

¹⁰³¹ К пребыванию корейцев в Перми/ Пермские губернские ведомости, № 93, 1905. С. 2.

¹⁰³² ГАПО.Ф. 65. Оп. 3. Д. 569. Л. 37-39.

Самый серьезный конфликт произошел 22 мая, когда случилась драка между пьяными солдатами, вернувшимися с фронта, и корейцами в Нытвенском заводе. Об этом конфликте писал губернатору оханский уездный исправник¹⁰³³.

Тем не менее, китайские и корейские пленные все более уживались в новой среде. Существовали предпосылки к формированию диаспор. Однако начавшиеся в середине лета мирные переговоры остановили эти процессы.

11 августа 1905 г. пермский губернатор отвечал на ходатайство МИД: «китайцы высланы в Пермь с Дальнего Востока распоряжением военного начальства, причин высылки и сведений не имею, препятствий высылки их с моей стороны нет»¹⁰³⁴. Некоторые из пленных решили остаться в Перми¹⁰³⁵. Однако, судя по всему, большинство отправились домой, так как в стране шла революция и вряд ли заключенные китайцы и корейцы видели выгоду в том, чтоб остаться в России.

Тем не менее, значение пребывания корейцев и китайцев в Перми огромно. Провинциальное русское общество в данном случае впервые столкнулось лицом к лицу с восточным соседом, частично открыло для себя его уникальную культуру.

В.А. Матвеев

КОНФЛИКТНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ В СИСТЕМЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ЛИЧНОСТИ

Непрерывные изменения, происходящие в современном динамичном мире, оказывают значительное воздействие на развитие, как отдельной личности, так и общества в целом. Появление новых технологий, ухудшение экологической обстановки, информационная перегруженность, высокий темп изменений – все это влияет на адаптацию личности. Многие ученые, как отечественные, так и зарубежные, отмечают, что темп изменений в окружающей человека среде во много раз превышает темп его исторически сложившегося естественного адаптационного генеза.

Учитывая современное положение вещей, тезис о взаимовлиянии человека и среды приобретает особую значимость. Человек сам создает новые условия и сам вынужден адаптироваться в непрерывно изменяющейся среде.

Современные подходы к понятию психологической безопасности личности с большой степенью условности можно разделить на две группы. В первой из них во главе проблемы находится человек. В этой группе понятий психологическая безопасность понимается как «состояние сохранности психики», «модель устойчивого развития и нормального функционирования человека», «сохранение целостности личности». Другой подход обосновывает психологическую безопасность через толкование среды. Психологическая безопасность понимается как состояние образовательной среды, свободной от проявления психологического насилия во взаимодействии, способствующее удовлетворению потребностей в личностно-доверительном общении, создающее референтную значимость среды и обеспечивающих психическое здоровье включенных в нее участников»¹⁰³⁶.

Современный человек находится в мультисредовом окружении. Главная задача специалиста по психологической безопасности – создание *безопасной среды*. Безопасная среда – это такое ее качественное состояние, при котором обеспечивается устойчивое существование и функционирование, удовлетворение и реализация актуальных потребностей и интересов, способность к эффективному предотвращению или устранению различного рода опасностей и угроз. Сама среда понимается, прежде всего,

¹⁰³³ Там же. Л. 102.

¹⁰³⁴ ГАПО.Ф. 65. Оп. 3. Д. 570. Л. 174.

¹⁰³⁵ Там же. Л. 28.

¹⁰³⁶ Басва И.А. Психологическая безопасность в образовании. – СПб. «Союз», 2002.